

ПЕВЕЦ ПОДВИГА

К 80-летию со дня рождения А. А. Фадеева

Мастер... Именно с этого слова хочется начать разговор об Александре Александровиче Фадееве. Один из наиболее выдающихся наших прозаиков, он был в своем, литературном цехе требовательным и заботливым наставником, внимательнейшим образом присматривался к писателю молодой молодежи, всемерно заботясь о росте литературной смены. Александр Александрович активно занимался общественной деятельностью, долгие годы возглавлял Союз писателей СССР.

Прежде чем стать писателем, он прошел огромную школу жизни. Его учителями были профессиональные революционеры, бойцы и командиры партизанских отрядов, опытные партийные работники.

В семнадцать лет он был принят в партию и направлен в один из партизанских отрядов Дальнего Востока. В девятнадцать лет Александра Фадеева — комиссара бригады народно-революционной армии — избирают делегатом X съезда партии. Он участвует в подавлении кронштадтского мятежа, на льду Финского залива получает тяжелое ранение.

Впоследствии Александр Александрович, уволившись из Красной Армии, работал в партийных органах Москвы, Северного Кавказа. Эти годы Фадеева — революционера, война, партийного работника — и предопределили идейный пафос его творчества.

Хочу напомнить читателю лишь несколько эпизодов из романа «Разгром», кажущихся мне характерными для фадеевского таланта, для его творческих воззрений, в которых особенно осязателен пульс гражданской, художественной мысли писателя.

...Бросается на прорыв вра-

жеского кольца отряд красных партизан. Ни мгновения не оставляя себе на размышление, партизан Морозко жертвует собственной жизнью, чтобы только дать знать отряду об ожидающей его белоказачьей засаде.

Наступает решающий миг. Левинсон выхватывает пашку из ножен. Невольно подается вперед, глаза его заблестели...

«На прорыв, да? — хрипло спросил он у Бакланова, неожиданно поднимая пашку над головой, так что она вся засияла на солнце. И каждый партизан, увидев ее, тоже вздрогнул и вытянулся на стременах.

Бакланов, свирепо покосившись на пашку, круто обернулся к отряду и крикнул что-то пронзительное и резкое, чего Левинсон уже не мог расслышать, потому что в это мгновение, подхваченный той внутренней силой, что управляла Баклановым и что заставила его самого поднять пашку, он помчался по дороге, чувствуя, что весь отряд должен сейчас кинуться за ним...

Когда через несколько минут он оглянулся, люди действительно мчались следом, пригнувшись к седлам, выставив стремительные подбородки, и в глазах у них стояло то напряженное и страстное выражение, какое он видел у Бакланова...

Смертельная опасность осталась позади, прорваться удалось. Но дорогой ценой. В живых остались Левинсон и еще восемнадцать человек. Из всего отряда. И глаза командиру застлали слезы. А впереди уже распахнулся неожиданно лес. Люди увидели мир-

ный простор, мирное небо, мирную работу на току за рекой.

«Левинсон обвел молчаливым, влажным еще взглядом это просторное небо и землю, сулившую хлеб и отдых, этих далеких людей на току, которых он должен будет сделать вскоре такими же своими, близкими людьми, какими были те восемнадцать, что молча ехали следом, — и перестал плакать; нужно было жить и исполнять свои обязанности».

Как мастерски брошены на живописное полотно стремительные штрихи, точно выверен психологический рисунок, и как мощно сливается это с внезапным и покоряющим вторжением гражданственной, философской мысли, сразу придающей всему, что было изображено, и глубину, и масштаб.

Роман «Разгром» был создан двадцатипятилетним писателем. Книга вышла и сразу принесла широкую известность автору. Ее заметил А. М. Горький и поставил в ряд лучших произведений молодой советской литературы.

А ведь в нашей литературе тех лет уже работали такие мастера, как А. Толстой, А. Серафимович, Д. Фурманов, С. Сергеев-Ценский, не говоря уже о М. Горьком, В. Маяковском, А. Блоке и С. Есенине. Вот на каком уровне предьявлялись эстетические «нормативы» писателю, вступающему в литературу в двадцатые годы, когда появился «Разгром».

Сама жизнь, революционная действительность выдвинула, поставила во весь рост принципиально новую тему —

народа и социалистической революции, создания общества, невиданного доселе в истории человечества, последовательной борьбы за его утверждение, за его окончательную победу. В качестве одной из наиболее актуальных тем вырисовывалась тема революционного руководителя, вожака и революционной массы, комиссара — как воспитателя человека-борца. Различные аспекты этой темы даны в «Чапаеве», в «Железном потоке»... Именно эта тема разработана была в новом качестве Александром Фадеевым в его «Разгrome».

В двадцатые—тридцатые годы писатель работал над романом «Последний из Удэге». На этот раз он развернул эпическое полотно большого размаха, охватывающее длительный период времени и многие слои тогдашнего общества, вывел разнообразнейшую череду ярких, живых персонажей. Реалистическое мастерство его окрепло.

В ту пору, когда работа над «Последним из Удэге» была, можно сказать, в разгаре, и

довелось мне встретиться и близко познакомиться с Александром Александровичем. Издательство (теперешнее его название «Художественная литература») поручило мне, молодому редактору, готовить вместе с автором рукопись очередной книги романа к изданию.

На всю жизнь врезались в память впечатления тех дней. Эти впечатления касались разного — и внешности писателя, и его манеры держаться, обращаться с людьми, и его жестов, повадок, сквозь которые столь явственно просвечивали свойства характера, особенности натуры... Поражала всегда ищущая мысль его как художника, и твердая убежденность в найденном после упорных опытов и умо-заклучений, и постоянная готовность — даже жажда — поиски продолжать, совершенствовать найденное, обрести новое и новое. Это был человек огромной внутренней культуры, безукоризненно тактичный и бескомпромиссно требовательный в вопросах творчества. Удивляли его память, внимание к малейшей, едва уловимой детали, к интонации каждой фразы, умение обусловить ее самим строем речи, всеми средствами речевой выразительности — вместе с тем никогда не оставляло его чувство строгой соразмерности всех частей композиции, гармоническое восприятие единого целого, всегда законченного в своих пропорциях, строго взвешенного тонким художественным вкусом. Его произведения были вылеплены, отшлифованы уверенной, точной рукой мастера. Естественно, что впечатление от общения с ним как с человеком, от работы с ним как замечательным художником слова неизгладимо легло на душу.

Судьба подарила мне и счастливые дни работы с Александром Александровичем при подготовке к изданию «Молодой гвардии».

С волнением работалось над этой рукописью. Еще были так свежи в памяти, в сердце события военных лет, послужившие жизненной основой для содержания нового романа Фадеева, так заражала его страстность, его увлеченность подвигом молодых советских героев-патриотов, истинных рыцарей без страха и упрека.

Свой труд, ставший одним произведением, вошедшим в сокровищницу советской классики, писатель закончил через пять лет после великой Победы нашего народа. В 1951 году в газете «Правда» была опубликована редакционная статья, оценивавшая творческий подвиг писателя-патриота, писателя-коммуниста. В статье говорилось о том, что в своем произведении А. А. Фадеев любовно, проникновенно раскрыл мир мысли и чувств, нравственную красоту, горячий советский патриотизм нашей молодежи, воплотил на страницах своей книги величие подвига молодого гвардейца, что книга сразу нашла путь к сердцу читателя, что образы ее героев, воссозданные писателем, — яркое достижение всей советской литературы. Писатель дал правдивое и широкое художественное обобщение типических явлений нашей жизни.

Один из героев этой книги, коммунист Филипп Петрович Лютиков, произносит знаменательные слова:

— Надо дать понять каждому своему человеку, что за всеми нашими делами партия стоит!

Об этом и говорит читателю роман писателя-коммуниста, певца народного подвига.

Об этом говорит читателю все творчество Александра Александровича Фадеева.

Юрий ЛУКИН.